

Викентий Вересаев

# Болезнь Марины



# Викентий Викентьевич Вересаев

## Болезнь Марины

### Аннотация

«Оба они, и Марина и Темка, были перегружены работой. Учеба, общественная нагрузка; да еще нужно было подрабатывать к грошовым стипендиям. Часы с раннего утра до позднего вечера были плотно заполнены. Из аудитории в лабораторию, с заседания факультетской комиссии в бюро комсомольской ячейки. Дни проносились, как сны. И иногда совсем как будто исчезало ощущение, что ты – отдельно существующий, живой человек, что у тебя могут быть какие-то свои, особенные от других людей интересы...»

# Викентий Вересаев

## Болезнь Марины

Оба они, и Марина и Темка, были перегружены работой. Учеба, общественная нагрузка; да еще нужно было подрабатывать к грошовым стипендиям. Часы с раннего утра до позднего вечера были плотно заполнены. Из аудитории в лабораторию, с заседания факультетской комиссии в бюро комсомольской ячейки. Дни проносились, как сны. И иногда совсем как будто исчезало ощущение, что ты – отдельно существующий, живой человек, что у тебя могут быть какие-то свои, особенные от других людей интересы.

И вдруг перед обоими встало свое, касающееся только их обоих, ни для кого больше не интересное, а для них – очень серьезное и важное.

В субботу, как всегда, Темка пришел из общежития ночевать к Марине. У нее по-особенному блестели глаза, она вдруг среди разговора задумывалась. А когда он обнял ее стан и хотел поцеловать в шею, Марина удержала его руку и сказала, пристально глядя впавшими глазами с темными под ними полосами:

– Темка! Дело верное. Я беременна.

Он быстро опустил руку, взглянул на нее.

– Да ну?!

– Верно. Была у доктора. Он тоже сказал.

Темка – большой, плотный, с большой головой – медленными шагами ходил по узкой комнате. Марина сумрачно следила за ним. А у него глубоко изнутри взмыла горячая, совсем неразумная радость, даже торжествование какое-то и гордость. Он так был потрясен, что ничего не мог говорить... И так это для него было неожиданно, – эта глупая радость и торжество. Темка удивленно расхохотался, сел на постель рядом с Мариной, взял ее руку в широкие свои руки и сказал с веселым огорчением:

– Ну и ну!

Марина была рада, что он так хорошо отнесся к известию, – глубоко в душе и сама она радовалась случившемуся. Но веселее от этого не стало. Положение было очень запутанное. Она спросила:

– Что же теперь будем делать? Ты конкретно представляешь себе, что из всего этого получается?

– Да, да...

Но он это сказал рассеянно. Темка весь был в своей неожиданной, ему самому непонятной радости. Положил руку на ее еще девический тугой живот, нажал.

– Замечательно! Подумаешь: что-то там в тебе зреет, – твое и в то же время мое... Ха-ха-ха!

Он во все горло захохотал. Марина озлилась.

– Нужно о деле подумать, а он грохочет, как дурак. Заткнись, пожалуйста!

– А ужли ж самой тебе... не весело от этого?

– Куда те к черту весело! Только тошнит все время, – ох, как тошнит, и груди очень болят, и ты так противен, – пожалуйста, не трогай меня!

Марина резко оттолкнула его руку от своего тела.

Сегодня они ни о чем не могли столкнуться, – слишком разные у них были настроения. Но вопрос был грозный, и нужно было его решать поскорее. Марина, преодолевая странное какое-то отвращение к Темке, условилась, что он зайдет через три дня, и они все обсудят.

Но, в сущности, – что обсуждать? Дело было совершенно ясно. Головою и Темка – понял это наутро, когда мысли трезвы: нелепость, выход один только и есть.

А в глубине души была тревога перед тем, что хотели они сделать, и недоумение – неужели Марина унизит себя до того, что пойдет на это?

Через три дня долго говорили. Да, нужно решиться. Другого выхода нет. Марина с тоской заломила руки и сказала:

– Как все время тошнит! Ни о чем подумать не могу, что бы есть! А послезавтра зачет сдавать по органической химии!

Темка украдкой приглядывался, и была тайная боль, что она идет на это, да еще как-то так легко.

Раньше нужно было сдать два зачета, – по ним Марина много готовилась, и откладывать их было невозможно. Между тем рвоты были ужасны, об еде она думала с ужасом, голова не работала. А тут еще Темка. К нему она чувствовала

ла самой ей непонятную, все возраставшую ненависть. А когда он пытался ее ласкать, Марину всю передергивало. И она сказала ему:

– Пожалуйста, приходи ко мне пореже. Ты мне определенно неприятен.

Женщина-врач исследовала Марину, расспросила об условиях ее жизни.

– Да-да... Обычная история. Как врач я, конечно, обязана вас всячески отговаривать, но если бы была на вашем месте, то сделала бы то же самое.

И дала ей ордер в родильный приют.

Через три дня Темка привез Марину обратно в ее комнату, Марина сильно побледнела, лицо спалось, глаза двигались медленно и постоянно останавливались. Но на Темку глядели с приветливою нежностью, – он уж думал, что никогда этого больше не будет. Марина лежала и ласково гладила его широкую, все еще как будто рабочую руку бывшего молотобойца.

Он спросил:

– Здорово было больно?

– Физически не так уж. Рвать зубы гораздо больнее. Но это такой ужас...

Она вся вздрогнула, крепко сжала его руку и прижалась к ней щекой. И молчала долго.

А вечером говорила:

– Это что-то страшное по своему цинизму. Вроде прости-

туции. Мне теперь странно, как может идти на это женщина. Так же не могу это представить, как не могу себе представить, чтоб за деньги отдавать себя. Это всю душу может изломать, – все, что там со мною делали. На губы навсегда от этого должна лечь складка разврата, а в глазах застынут страдание и цинизм. Легальная бойня будущих людей. Не могу об этом больше думать.

Весь вечер был теплый и нежный. Марина отдыхала душою в любви и виноватой ласке, которою ее окружил Темка. Но все возвращалась мыслью к случившемуся. И уже когда потушили свет (Темка остался у нее ночевать, устроившись на полу), Марина сказала:

– Помнишь, осенью была статейка в «Красном студенчестве»? Она теперь все у меня в голове. Как это там? «Дни наши насыщены не запахом ландышей и полевых цветов, а запахом йода... Кто расскажет людям о нашей обыкновенной студенческой любви, распинаемой на голгофе гинекологического кресла?»

Ночью Темка слышал сквозь сон, как Марина тихо плакала.

Жизнь опять встала на обычные рельсы. Опять оба, – и Марина и Темка, закрутились в кипучей работе, где исчезали дни, опять аудитории сменялись лабораториями, бюро ячейки – факультетской комиссией. Во взаимных отношениях Марина и Темка стали осторожнее и опытнее. Случившееся неожиданное осложнение больше не повторялось.

Прошло года полтора. Оба подходили к окончанию курса.

Марина сдавала последние зачеты и готовилась взяться за дипломную работу. Перед Темкой тоже была дипломная работа, да еще три месяца производственной практики.

И в это-то время случилось однажды вот что.

В субботу к Марине пришел Темка, они отправились в кино.

Революционер-рабочий. Утром спит, его прибегает будить четырехлетний сынишка. Будит, отец возится с ним, играет. Потом мальчишка в другой комнате будит живущего у них студента, тоже революционера, который потом окажется предателем.

И опять смеющаяся мордочка мальчишка, и та милая естественность, с какою выходят на экране животные и дети.

Марина прижималась в темноте к локтю Темки и в восторге спрашивала:

– Правда, какой славный мальчишка? Ах, какая прелесть!

Темка удивленно слушал. Чего она приходит в такой восторг? Мальчишка как мальчишка. А она равнодушно смотрела на подвиги неизменно твердых революционеров-рабочих, на предательство студента и все ждала, не появится ли еще раз мальчишка.

И, когда шли они из кино, Марина все время восхищалась мальчишкой, так что Темка усмехнулся и сказал:

– Что он тебе так по вкусу пришелся? Самый обыкновенный сопляк, и ничего особенного.



Тогда Марина поссорилась с Темкой из-за какого-то пу-  
стяка, у крыльца своего дома сказала ему: «Прощай», и он,  
печальный и недоумевающий, побрел ночевать к себе в об-  
щежитие.

С этой поры стало с Мариною твориться странное. Сидит  
у себя в комнате, готовится к зачету по геологии или читает  
«Спутник агитатора». За стеною шамкающим плачем зали-  
вается грудной ребенок. Соседка Алевтина Петровна недав-  
но родила, и ребенок очень беспокойный, непрерывно пла-  
чет. Марина перестанет читать и долго слушает, задумав-  
шись. Вот она прижала грудью руку к краю стола, почувство-  
вала свою грудь и ощутила: не нужно ей, чтобы грудь ее лас-  
кали мужские руки, целовали мужские губы. Одного хоте-  
лось. Страстно хотелось держать на руках маленькое тельце  
и чтобы крохотные губки сосали ее. И все, что раньше к себе  
тянуло, что было так разжигающе сладко, теперь представ-  
лялось грязным и тяжелым.

Марина разожгла в кухне примус, поставила чайник. Во-  
шел в кухню гражданин Севрюгин, совторгслужащий, муж  
Алевтины Петровны. Он сказал извиняющимся голосом:

– Очень наш младенец орет, просто сладу с ним нету. А  
вам учиться надо. Мешает он вам?

Марина поглядела на него, помолчала и вдруг ответила:

– Мешает. Очень завидно.

И быстро ушла из кухни.

Однажды после обеда в комнату Марины постучалась

Алевтина Петровна и сконфуженно сказала:

– Мне так совестно вас просить. Сейчас только вспомнила, – нынче последний срок талону на масло, нужно бежать в лавку, очередь длинная... У вас через стенку все слышно: если заплачет мой мальчишка, загляните, что с ним. Вы уж простите. Такая забота с этими ребятами, просто беда.

Ребенок уже плакал за стеною.

Марина отложила учебник геологии и оживленно встала.

– Я сейчас пойду. Мне будет приятно. И не торопитесь.

Пришли в соседнюю комнату. Алевтина Петровна сказала:

– Уж вы меня простите. Буду нахальной до конца. В кухне на керосинке греется вода, хотела ему сегодня ванночку сделать. Приглядите уже и за водой.

– Да хорошо, хорошо, все сделаю. Идите.

– Вот спасибо вам. Если мокрый будет, вон пеленка чистая висит на спинке.

И ушла, благодарно улыбаясь.

Ребенок плакал в кроватке. Марина взяла его на руки, стала носить по комнате. Утешающе мычала:

– Ну, не плачь!

Прижималась губами к атласистой коже выпуклого лобика.

Ребенок перестал плакать, но не спал. Марина хотела положить его в кроватку и взяться за учебник. Однако все глядела на ребенка, не могла оторваться, притрагивалась губами

к золотистым волосикам на виске, тонким и редким. Щелкала перед ним пальцами, старалась вызвать улыбку... Безобразие! На душе – огромный курс геологии, а она в куклы, что ли, собралась играть?

Положила ребенка в кроватку, села к столу, раскрыла учебник. Но мальчик опять заплакал. Марина пощупала под пеленкой: мокрый. Обрадовалась тайно, что нужно опять им заняться. Распеленала, с излишнею от непривычки бережностью переложила его в чистую пеленку, хотела запеленать. И залюбовалась. В крохотной тонкой рубашонке, доходившей только до половины живота, он медленно сучил пухлыми ножками, сосредоточенно мычал и совал в рот крепко сжатый кулак.

Глупые слезы тоски и беспредметной обиды задрожали в груди. Марина закусила губу, плечи ее задергались. Остро, остро, почти чувственно милы ей были эти полные ручки с ямками на локтях, у запястий перетянутые глубокими складками, и все это маленькое прелестное тельце. Как будто глаза какие-то у ней раскрылись: что-то особенное было перед нею, необычайное и несравненно милое.

Марина за весь час так и не притронулась к учебнику. Пришла Алевтина Петровна, опять стала извиняться и рассыпаться в благодарностях. Марина спросила:

- Вы сейчас будете купать мальчика?
- Да.
- Позвольте посмотреть?

– Пожалуйста! Конечно!

Из оцинкованного корыта шел теплый пар. Алевтина Петровна раскладывала на столике мыло, кокосовую мочалу, коробочку с присыпкой. Распеленали ребенка. Стали мерить градусником воду. Голый мальчишка лежал поперек кровати, дергал ногами и заливался старчески-шамкающим плачем. Мать, с засученными рукавами, подняла его, голенького, положила над корытом так, что все тельце лежало на ее белой мягкой ладони, и погрузила в воду.

Ребенок сразу перестал плакать, широко раскрыл глаза и испустил удивленный звук: «О!»

Свет электрической лампы под зеленым абажуром падал сверху. Мальчик медленно двигал ногами в сверкавшей зелеными отсветами воде и пристально глядел в потолок. Мать хотела начать мылить ему голову, но тоже заметила взгляд и остановилась. И улыбнулась.

– Ишь, как смотрит!

Большими, вглядывающимися глазами мальчик уставился вверх, как будто что-то было перед ним, что он только один видел, а кругом никто не видел. Стало тихо. Он глядел не мигая, серьезно и настороженно. И как будто припоминал. Припоминал что-то далекое-далекое, древнее, что было с ним тогда, когда земля была такая же молодая, как он теперь. И как будто чувствовал, как плещется над его головой и вокруг него беспредельный океан жизни, в котором он был маленькой, но родной капелькой.

И еще раз он испустил свой удивленный звук: «О!», и все продолжал смотреть вверх.

Марина взволнованно заходила по комнате.

Вечером пришел Темка. Марина в разговоре то и дело задумывалась, так что Темка, наконец, удивленно спросил: – Чего это с тобой?

– Ничего.

И горячо прижалась к нему. И была долгая ночь. И были долгие разговоры. Страстные и странные.

– Нет! Так не хочу!

– Ну, Маринка, да что с тобой! Ужли ж хочешь, чтобы так было, как полтора года назад? До ребят ли нам сейчас? Подожди, дай кончим, теперь недолго.

Марина вызывающе ответила:

– Нам – до ребят ли! О себе говори. Тебе не до того? Подумаешь, – самое тут важное, до того ли тебе это, или не до того... Темка! Пойми! – Она села на постели, с тоскою простерла голые руки в темноту. – Хочу белобрысого пискуна, чтоб протягивал ручонки, чтоб кричал: «Мама!» Прямо, как болезнь какая-то, ни о чем другом не хочу думать. И ты мне противен, гадок, и все это мне противно, если не для того, чтоб был ребенок!

Темка вскочил и быстро стал одеваться. Открыл электричество. Марина враждебно следила за ним из-под одеяла. Было четыре часа утра. Он сердито ушел.

В конце концов Темке пришлось уступить. И случилось

то, чего желала Марина.

Опять было ей очень тяжело. Опять изводили тошноты и постоянно болела голова. Но в душе жило сладкое ожидание, и Марина с торжествованием несла все тягости. Отлеживалась и бодро бралась опять за учебники. И с одушевлением вела кружок текущей политики на прядильной фабрике.

Месяцы шли. Однажды возвращалась Марина из фабричного клуба с девчатами своего кружка. Горячо говорили о революционном движении в Индии, о Ганди, о налетах на соляные склады и «красных рубашках». Комсомолка-работница Галя Андреева поглядела на выпирающий живот Марины, вздохнула и сказала:

– Эх, Маринка, Маринка! Здорово ты насчет текущей политики загинаешь. Так по всему свету все и видишь, где что и что к чему. А осенью что будет? – Она вопросительно положила руку на живот Марины. – Бросишь нас. Всегда так: заведется ребенок – и бросает девчонка всякую работу.

Марина расхохоталась:

– Дура ты, Галька! Чем до такого мешчанства дойти, да я лучше бы сейчас сбросилась с этого моста в Яузу. Можно и ребенка иметь, и не уходить с общественной работы.

Другая комсомолка-работница, замужняя, грустно возразила:

– Все мы так говорим. Не знаешь ты еще, сколько ребята заботы берут.

– Ну, вот увидишь, – самоуверенно сказала Марина.

Часто Марину охватывало теперь чувство усталости и большой беспомощности. Иногда на улице, и особенно в очередях за хлебом или молоком, сильно кружилась голова. И вообще все трудней становилось жить одной.

Темка переселился из общежития к ней. Он помогал, в чем только мог и на что хватало времени. Был к Марине нежен и внимателен. Но – что скрывать? Неловко как-то было ему, когда он теперь шел с нею по улице, и встречные, особенно женщины, быстрым и внимательным взглядом окидывали выпячивающийся живот Марины. И как у ней походка изменилась!

Прежде ходила быстро и словно на пружинах, а теперь медленно переваливалась с ноги на ногу, как гусыня. Сидела, широко раздвинув ноги. Вообще Темка теперь вдруг заметил, как она некрасива. Красива, собственно, Марина никогда не была: курносая, в частых веснушках весною, с невыющимися волосами, подстриженными а ля фокстрот. Но было в ней что-то крепкое, здоровое и комсомольски задорное. Теперь веснушки слились в одно темно-коричневое пятно, покрывавшее переносицу и щеки, а губы были белые. Из глаз же глядела постоянная усталость.

И однако, несмотря на все это, Темку сильно тянуло к Марине. Она была ему по-прежнему желанна. Но для нее ласки его были теперь совершенно невыносимы, она судорожно отталкивала его руки, а на лице рисовалось отвращение. Темка отлично понимал, что все это очень естественно и вполне

согласно с природой, но в душе чувствовал обиду. Еще же обиднее было вот что. Марина была грубовата, вспыльчива, но всегда Темка чувствовал, что он для нее – самый близкий и дорогой человек.

Теперь он ясно видел, что о нем Марина думает очень мало, а что все мысли ее, как компасная стрелка к полюсу, тянутся к тому, кто медленно рос и созревал внутри ее тела. Это было как-то особенно обидно.

Иногда, сквозь туман вечной занятости и мыслей о не своем личном, вдруг в голове Темки яркой паровозной искрой проносилась мысль: «ро-ди-те-ли». И ему отчетливо представлялось, каким это песком посыплется на скользящие части быстро работавшей машины их жизни. Он встряхивал голову и говорил себе огорченно:

– Ну и ну!

Однажды они сидели вечером и прорабатывали вместе тезисы к предстоящему съезду партии. Темка читал, а Марина слушала и шила распашонки для будущего ребенка. На столе гордо разлеглась очень сегодня удачно купленная бу-мазейка, – ее Марина уже нарезала на пеленки.

Три коротких звонка. К ним. Темка пошел отпереть. В коридоре зазвучал его громкий сконфуженный хохот, он растерянно говорил кому-то:

– Подожди тут! Одну минуту!

Быстро вошел в комнату. И взволнованно прошептал:

– Поскорей! Убери все это!



Марина удивленно и грозно спросила:

– Что убрать?

Темка виновато шептал:

– Васька Майоров пришел, секретарь райкома.

– Ну, так что ж?

Темка откинул крышку корзины и поспешно стал бросать со стола в корзину нарезанные пеленки. Марина следила за ним, не шевелясь. Он опять метнулся к столу, схватил ее шитье, накололся на иголку, выругался, скомкал распашонки и испуганно сунул их тоже в корзину. Захлопнул крышку. Высасывая уколотый палец, пошел к двери.

Вошел Майоров, – бритый, с тонкими насмешливыми губами. Говорили о предстоящем съезде. Марина не вмешивалась в разговор, молча сидела на стуле и била карандашом о лежавшую книгу то одним концом, то другим.

Через полчаса Майоров ушел. Марина все сидела молча и глядела на Темку. Он старался не встретиться с нею глазами.

И вдруг Марина тяжело сказала:

– Какая у тебя была подлая рожа!

– Когда? В чем дело?

Марина молчала и продолжала тяжело глядеть на Темку.

Потом проговорила медленно и властно:

– Вот что, милый мой товарищ! Смывайся-ка отсюда!

– Маринка! Что ты? Что с тобой случилось? Ничего не понимаю.

– Не понимаешь? Тем хуже для тебя. Вы-ка-ты-вай-ся! Я

не хочу больше с тобой жить.

*1930*